

Сунь Цинфэн мертвой хваткой вцепился в волосы Цзинь Линьэра и с силой пригнул его голову к остывающему телу.

— Привыкай. Это твоя доля, — отчеканил он.

Мальчик изо всех сил упирался руками в землю, отчаянно пытаясь отпрянуть, но разве мог он совладать с сильным воином? Лицо ребенка ткнули прямо в багровую лужу, и липкая, пахнущая медью жижка потекла в рот и нос.

От удушливой вони железа выворачивало наизнанку. Сжав зубы, Линьэр глухо, надрывно рычал из самого горла, точно попавший в силки дикий звереныш.

Сунь Цинфэн привык считать мальчика пусть и не по годам смышленным, но слабым и податливым — думал, припугнет разок, и тот шелковым станет. Он не ожидал встретить в этом тщедушном теле такую отчаянную, чисто отцовскую гордость.

Заставлять человека лакать кровь себе подобного — дикость, а уж силой поить ею ребенка и вовсе мерзость. Сунь Цинфэн сам презирал подобные методы, недостойные честного мужа, но выбора у него не оставалось.

— Не пригубишь — я окончательно потеряю силы, — угрюмо процедил Сунь Цинфэн. — Нам живыми из Границы Белого моря не выйти, и гибель твоего отца окажется напрасной. Даже под страхом смерти не станешь?

Слезы проложили светлые дорожки на испачканном кровью лице Линьэра.

— Он ведь человек! — захлебываясь плачем, закричал мальчик.

Из глубины крепости долетел раскатистый топот копыт и частые шаги преследователей.

— Хитёр дьявол Чжао Шо! Закатил такую бучу лишь для того, чтобы связать нас по рукам и ногам и дать уйти своему щенку. Наставница говорила, что этот пес растерял всё свое мастерство и наверняка передал его мелкому выродку. И ведь как бился, подлец, до последнего вздоха спину не гнул перед настоятельницай!

— Много чести! Обычное «Божественное искусство Золотого облика». Ну и толку от его хваленной гордости? Разнесло на куски, костей не сыщешь. Поганое колдовство — передавать внутреннюю силу преемнику до последней капли. Не зря пять поколений этих тварей из рода Чжао держали в страхе весь мир боевых искусств. Вот только как они эту силу передают?

— Заткнись! Или сам захотел приобщиться к их темным искусствам? Этот дьяволёнок теперь носит в себе всю мощь Чжао Шо. Дадим ему уйти — вырастет чудовище, и тогда нам всем конец. Перекрыть ущелья, прочесать склоны! Сорняки нужно вырывать с корнем!

То ли от колючего зимнего ветра, то ли от этих ледяющих душу слов Цзинь Линьэр сжался в комок и весь затрепетал.

Сунь Цинфэн безучастно смотрел сверху вниз на лежащего в грязи мальчишку. Топот в переулке становился все ближе.

— Слышишь? — негромко спросил он. — Они идут за твоей головой. Даже теперь отказываешься?

Линьэра душил страх, он искусал губы до белизны. Он еще не понимал высоких истин, но твердо знал: черту переступить нельзя.

— Матушка... матушка велела мне вырасти хорошим человеком, — упрямо выдавил он. — Я не дьявол. Я не буду лакать кровь.

Раздался резкий, протяжный звон.

Сунь Цинфэн вытащил меч и шагнул к мальчику. Он вдруг зло и горько усмехнулся.

— Что ж, — тихо выдохнул он. — Вижу, ты из тех, кому жизнь недорога.

— Коль... коли смерть за правду, так бей! — крикнул Линьэр.

Сердце его бешено колотилось в груди. Поняв, что окончательно вывел воина из себя, он зажмурил глаза, готовый принять неизбежное.

— Нашел! Мелкий дьявол здесь, в тупике!

В узкий проход ворвался вооруженный воин. Завидев лежащего в луже Линьэра, он довольно осклабился и замахнулся саблей.

Мальчик сжался, ожидая удара. Однако вместо свиста стали он почувствовал, как его тело резко оторвалось от земли, подхваченное чьими-то ледяными, но крепкими руками.

— Подыхать он вздумал! А меня спросить забыл, паршивец! — прорычал Сунь Цинфэн.

Сгреб мальчишку охапкой, взлетел в седло и круто развернул коня.

— Дерьмо, держись крепче!

Меч со свистом прочертил полукруг — двое преследователей захлебнулись собственной кровью.

— С дороги, твари! — взревел воин.

Линьэр мертвой хваткой вцепился в мужчину. Мимо вихрем проносились заснеженные постройки и искаженные злобой лица. Под звон стали и свист стрел мальчик не слышал биения сердца своего спасителя, но его руки, подобные вековым заставам, берегли его от любого удара.

Сунь Цинфэн был бледен как смерть, лицо его покрыла испарина, а дыхание едва теплилось в груди. Но его клинок чертил в полумраке безупречные дуги, и за каждым взмахом следовал глухой стон и поток горячей крови.

С каждым новым ударом воин словно молодел, отбрасывая былую немощь. Тоска сменилась неукротимой яростью. Он крушил врагов без малейшего колебания, точно великий генерал, вновь воссевший на боевого скакуна после долгих лет забвения. Ни глубокие раны, ни ледяной буран не могли затмить его безудержную, грозную удаль.

Эта схватка тянулась целую вечность. Железные стрелы впивались в его предплечья, лезвия клинков рвали плоть, но воин не проронил ни звука, прорубая кровавую просеку сквозь сотни окруживших их врагов.

На закате, когда небо окрасилось в багровые тона, по заснеженной равнине промчался окровавленный конь, оставляя за собой тянущуюся по насту зловещую алую черту.

— Справа Пик Богини, там нет укрытий! — высунув голову из-под локтя Сунь Цинфэна, закричал Линьэр. На горизонте маячили десятка полтора преследователей. — Нам влево, под гору! На востоке тропа, она ведет к Лощине Абрикосового цвета. Как зайдем в сады, они нас потеряют!

Погоня начала отставать, но Линьэр чувствовал, как слабеет его спутник. Сердце мальчика сжалось от жалости.

— С вами... с вами все хорошо? — робко спросил он.

У воина темнело в глазах, он едва держался на гриве.

— Хреново! — зло сплюнул он. — Подыхаю я, твою мать!

Линьэр почувствовал себя виноватым во всех бедах. Он поспешно перехватил поводья.

— Я сам справлюсь с конем! Вы только передохните немного, но чур не спать! Не смейте засыпать!

Мужчина бессильно навалился на хрупкие детские плечи, не заботясь о том, выдержит ли его ношу мальчишка. Он засыпал, тихо шепча:

— Дьяволёнок... Послал же бог погибель на мою голову...

Оглянувшись, Линьэр похолодел: воин едва дышал. Позабыв грозный отцовский наказ никогда ни о чем не просить других, он отчаянно разрыдался:

— Очнитесь! Пожалуйста, не засыпайте! Не бросайте меня!

Сунь Цинфэн с трудом разлепил веки и вымученно усмехнулся:

— Не каркай, сопляк... Сдохну я — и тебе не жить. Да и вообще... никто из вас тогда не уцелеет.

— Простите меня... Простите...

Мальчик не понимал зловещего смысла его слов. Он просто рыдал, лепеча извинения. Стиснув зубы, он упрямо правил конем сквозь метель, пока они наконец не преодолели долгие шестьдесят ли и не укрылись в глубине Лощины Абрикосового цвета.

Кое-как стащив мужчину на землю, Линьэр быстро скинул с себя и с него пропитанные кровью верхние халаты, привязал их к седлу и с силой хлестнул коня, пустив его вскачь по другой дороге.

Сунь Цинфэн остался в одних штанах. Тело его покрывали свежие и старые рубцы, ноги подкашивались, но после безумной схватки его дух воспарил. Он даже умудрился хрипло пошутить:

— Гляди-ка... варит котелок. Не круглый дурак, значит.

— Матушка говорила, что быть добрым — не значит быть глупым. Я виноват... Наверное, зря упрямился... Ой! До чего же вы тяжелый... Старший Сунь? Старший Сунь!

Но воин уже не слышал: его тело обмякло, и он мертвым грузом повалился на мальчика, потеряв сознание.

Сунь Цинфэн был огромного роста, под девять чи, а Линьэр едва доставал ему до пояса. Рухнув

под этой горой мышц на колени, мальчик никак не мог подняться, сколько ни тужился.

Оставаться на месте было нельзя: враги шли по пятам.

Линьэр стиснул зубы. На его лбу золотым пламенем вспыхнула метка в форме двух лепестков. По телу мгновенно разлилась теплая волна невиданной силы. С глухим стоном он приподнял мужчину и, полюбняв-полуволоча его за собой, двинулся в чащу абрикосового сада. Ноги сами несли его по старой тропинке к каменному домику, где когда-то лечилась его покойная матушка.

В глубине лощины весна уже вступила в свои права. Мартовские снега растаяли, уступив место пышному белому цвету абрикосовых деревьев, укрывшему склоны холмов. Под порывами ветра ветви плавно качались, и в холодном сиянии луны кружащиеся лепестки мерцали, точно стаи крошечных светляков.

У самого Источника Внимающего снегу, скрытая густыми зарослями, стояла одинокая каменная хижина.

Внутри было на удивление чисто: стол, стулья, утварь у печи — всё стояло на своих местах, без единой пылинки. Чжао Шо, тоскуя по покойной супруге, частенько посылал сюда людей для уборки.

Кое-как переступив порог, Линьэр втащил воина в комнату и без сил рухнул на пол. Он заплакал — тело горело от усталости, а руки нестерпимо ныли.

Кое-как поднявшись, он наглухо запер дверь, стащил с кровати одеяла и расстелил их прямо на полу. С трудом перекатив на них Сунь Цинфэна, Линьэр случайно коснулся его обнаженной груди и в ужасе отпрянул: кожа воина была холодна как лед.

Дрожащей рукой он коснулся губ мужчины — ни дуновения. Приник ухом к груди — и внутри не отозвалось ни звука. Сердце молчало.

— Нет... Нет, пожалуйста! — в панике закричал мальчик.

В полумраке он метнулся к печи, выгреб горсть сухой щепы, достал из узелка огниво и принялся яростно бить кремнем о кресало. Но пальцы дрожали, искра никак не занималась, а острый камень лишь изрезал его ладони в кровь.

В отчаянии швырнув огниво, Линьэр бросился к ларям, вытащил все простыни, покрывала и одеяла, какие только нашел, и укутал раненого с головой. Он принялся неистово тереть ледяные ладони мужчины, захлебываясь слезами:

— Ну очнись же! Очнись! Ты ведь шутишь, да? Пожалуйста, открой глаза...

Но Сунь Цинфэн не двигался. Его лицо приобрело мертвенный, синеватый оттенок, а на шее, висках и предплечьях вздулись толстые, багровые вены. Казалось, под кожей клокочет дикая, яростная сила, готовая разорвать его изнутри.

Линьэр почувствовал смертельную опасность. Он сглотнул слезы, вытащил тяжелый меч воина из ножен и обеими руками сжал рукоять. Ему было безумно страшно, но, вспомнив ярость, с которой Сунь Цинфэн пробивался к нему сквозь врагов, он пересилил себя. Волоча клинок по земле, мальчик вышел наружу.

Ему нужна была кровь. Человеческую пить нельзя, но кровь какого-нибудь зверя должна помочь воину согреться.

Ночной ветер гудел, срывая с веток белоснежные лепестки. Луна пряталась за тучами, и тени старых деревьев плясали во тьме, словно когтистые лапы лесных чудищ.

Линьэр брел наугад, размазывая слезы по щекам. Тяжелый меч оттягивал руки. Хоть Чжао Шо и передал ему все свое мастерство, мальчик не умел им пользоваться и прекрасно понимал: напади на него сейчас даже лесной волк, ему не выжить.

Вдруг шорох в кустах заставил его вздрогнуть. Линьэр замер, дико озираясь по сторонам. Он не мог сдвинуться с места от страха.

«Матушка... умоляю, помоги мне», — мысленно взмолился он.

День!

Чистый серебряный звон Тинъяолина прорезал ночную тишину.

Вздрагнув, мальчик выронил оружие и шмыгнул за ствол старого абрикосового дерева. Затаив дыхание, он осторожно высунул голову. Сквозь заросли к нему приближались люди.

Их было пятеро, все в черных кованых доспехах Бюро по поимке демонов Куньлуня.

Идущий первым рослый парень с парными тесаками за поясом резко вскинул ладонь.

— Стой! — настороженно бросил он. — Тинъяолин подал голос. Юньцин, слышал?

Тысячник Чэнь Юньцин, шедший вторым, сделал шаг вперед, ненавязчиво заслоняя товарищу обзор, и незаметно прижал пальцем серебряный колокольчик на запястье, гася его вибрацию.

— Да показалось тебе, — беззаботно улыбнулся он. — Парни, кто-нибудь что-то слышал?

Остальные лишь покачали головами.

Меченосец нахмурился:

— И всё же глядите в оба.

— Мы у самой Границы Белого моря, — зевнул Чэнь Юньцин и бесцеремонно уселся прямо на поваленный ствол, едва не задев ногой брошенный Линьэром меч. Куда только девалось его дневное изящество! — Тут повсюду демоническая скверна сочится, вот колокольчик и звенит почем зря. Братец, я весь день на ногах, сил никаких нет. Лошадь моя удрала, ноги гудят... Коли охота, иди сам порыщи для очистки совести, а я здесь дух переведу.

— Ну и бездельник, — вздохнул тот и повел остальных в чащу.

Линьэр тихонько выдохнул, но не успел он даже моргнуть, как чьи-то цепкие пальцы схватили его за шиворот и единым рывком вытащили из-за ствола.

<http://bllate.org/book/18425/1768172>